Автор: Чтобы помнили!
02.02.2022 00:00

ТАБЛЕР Владимир Оттович (2 февраля 1957 года - 22 мая 2010 года). Русский поэт. Жил и творил в Каунасе (Литва).

Из цикла "Цветная ложь"

* * *

Где эти комнаты, где проживало счастье?
Дверь приоткрылась бы, в малую щелку - шасть я!..
И ведь знакомы стены и пол, да и дверь сия ведь...
Дождь за окном говорит и сирень сияет.

Можно пойти наломать вороха махровья.
В зеркале олух влюбленный - глаза коровьи.
Очень печальные то есть... Боясь до колик,
бросить сирень в окно ей, на подоконник.

Или не дождь, а солнце - пали, не жалко,
носит по улице радугу поливалка.
Тени от листьев - сечку, рванье, обрезки -
лето качает в колышимой занавеске...

Слышу родителей - в кухне, вернулись с рынка...
Яблочный запах. Боже, - ранет, пепинка...
На косяке узнаю эти зубчики - метки роста.
Все насовсем, то есть невозвратимо просто...

Были потом удовольствия, кайфы, неги.

Реки молочные были, и арфы в небе.
Нынче, казалось бы, тоже - и цвет, и смак тут.
Но почему-то яблоки так не пахнут.

Смотришь на мир водянистым и сытым взглядом,
не замечаешь сирени, кипящей рядом.
В жизни то ямы, а то - в основном - равнина.
Все хорошо. Замечательно. Непоправимо.

* * *

Мы станем птицами, я верую -
любовь крылата и нетленна.
Наверное, ты станешь белою
и черной стану я, наверно.

Вдвоем мы воспарим над крышами,
не присоединяясь к стаям.
Средь черных птиц ты будешь лишнею,
чужим я белой стае стану.

Умчимся в дальнее пространство мы,
пронзая небеса предместья.
И вечным будет наше странствие
крыло к крылу - навеки вместе...

Стихотворение в исполнении Светланы Илларионовой (нажать на значок дискеты).

* * *

Вечер. Тракай, а закат - токай,
все охмелить собрался.
Играй, скрипачок, этот рай смыкай
с глюками твоих брамсов.

Замок замолк, на вратах - замок.
Нежить вот-вот завоет.
В стакане туман - на большой глоток,
чтоб заложить за ворот.

Пьян рыболов (он лицом рябой),
не избежал поимки.
Сазану-кукан, а ему - любовь
к барменше-караимке.

Ах, он топырит, неся стопарь,
грязный кривой мизинец.
-Пью за тебя!
А она :
-Ступай!
Калика, проходимец...

Вечер- он мастью чернее треф.
Сам себя спросишь: "Кто ты?"
Пес ли ты рыцарь, иль так, пся крев,
родина злой икоты...

Дворник

Робкий свет зари повис,
дворник взялся за труды -
выметает вторник из
окружаюшей среды.

У него перчатки - шик,
у него метла - улёт.
А он ею - шух да ших!-
и под нос себе поет.

Эта песнь - не вой щени,
ему сферы муз близки -
то есть из "Хованщины",
потому как - Мусоргский.

Он, как шайбу - с пяточка.
У него бросок - мощА!
У него жилеточка
светоотражающа.

Хоть Николой наречен,
у него дворов - пять штук,
и размерами причем -
есть, где - ших и даже - шух!

Ты мети, Колян, мети,
коль служенье таково.
Может, вовсе нетути
дел важнее твоего.

Даже если жизнь утла,

знаю, что не сдамся злу,
коли раненько с утра
слышу Колину метлу.

*

"Романс" ("Как я любил, я создавал миры...). Стихи и музыка Владимира Таблера. Исполняет Юрий Востров. Разместил ео

* * *

После дождей разнообразных
всех степеней
природа закатила праздник
на сорок дней.

На срок великого потопа
включив, как душ,
всю ярость солнечного тока -
жару и сушь.

Но праздник, жаром уморяя,
угас, зачах...
Луна с иссохшими морями
плыла в ночах.

Цвела вода, хирела зелень,
зной тек, как слизь.
И вовсе не было лазеек
остыть, спастись.

А что позволено при пытке?-
Сиди, потей,
ищи неяркие прибытки
в слоях потерь.

И коли не найдешь ни грана,
так хоть поймешь,
что наша жизнь - фата-маргана,
цветная ложь...

* * *

Прав ли твой инквизитор?
Транк ли твой вилизатор?
Знаешь, по ком позитор?

Чуешь, по ком мутатор?

Нет, ты мышей не ловишь -
мЫшленье кособоко.
Тешь свою репу, овощ.
Множь своих блох, собака.

Мол, ты почти что вечен.
Дескать, печали канут...
Фигушки, милый, - вечер...
Ариведерчи. Аут...

Сколько тебе осталось?
С гулькин хренок иль носик.
Кажется, трусишь малость?..
Осень, парниша, осень...

* * *

Наверное, пора бы о душе,
подумать, пошептаться, посудачить
с ветрами в индевелом камыше
и шорохами выстуженной дачи.

Вот я, живущий, бесом обуян,
смеюсь и вою в спящем состояньи,
вот вы - чуть шевелящие бурьян
и снегу придающие сиянье...

Вы то - звезда, а то - древесный ствол,
то вы - мотив в сосульчатой челесте.
А я, творец пустопорожних волн
и созидатель бубличных отверстий...

Я не умею, милые мои,
которых слышу в воздухе холодном,
крутить снежинок белые рои
и быть от всякой сущности свободным.

Но тоже стану вечен и безлик,
и буду жить в терновнике и дроке,
и вместе с вами шевелить тростник
и завивать поземку на дороге...

*

Автор: Чтобы помнили!
02.02.2022 00:00

"Любимая". Стихи и музыка Владимира Таблера. Исполняет Юрий Востров.
Разместил
ео

Из цикла "Мне помнится тепло"

* * *

Веселимся на пиру, духаримся ль кучеряво -
мы - травинки на юру или камушки у яра.
Сломит ветер, скинет вниз чья-то воля или случай -
и закончен экзерсис темнотою неминучей.

Нам собрата бы жалеть за назначенность планиды,
но вздымают слова плеть друг на друга индивиды.
Бог незряч и рок жесток, все сосчитаны подробно...
Но втыкает локоток ближний ближнему под ребра.

Много надо ли - плевок или мелкая подлянка.
И гляди - еще чуток извели того подранка.
Вроде, он де-факто жив, и де-юре - тоже, вроде,
но беда течет, как жир, по надорванной аорте...

Дорогая, мы с тобой тоже той модели слуги...
Ну давай закончат бой эти губы, эти руки.
Ты мне врешь, тебе я вру, и зачем-то вечно спорим.
Мы ведь свечи на ветру. Мы ведь бабочки над морем...

Улыбнусь и обниму, подышу теплом на пальцы.
Налетающую тьму вместе легче не бояться.
Обними и улыбнись. Посмотри у края ямы
два ростка переплелись одинокими стеблями...

* * *

Чтобы вернуться надо бросить монету...
(примета)

Брошу монету в море и в реку брошу,
грОши просыплю осеннему дню вослед,
к лиственным злотым мелочь подкину в рощу
и белый цент, как в копеечку - в белый свет...

Время придет - под приглядом безносой дамы
буду плестись я последней своей межой -

дай, Боже, сил, отзываясь на пафос драмы
пусть не тугой, на прощанье тряхнуть мошной...

Или река. И гребец. И его шаланда.
- Не торопи, не на праздник отчалим, чать.
Тугрики мелкие нА берег брошу, ладно?
Дай мне их бросить и чуточку помолчать.

Кину монетку в руки любимой тоже...
И возвращусь, и не раз - иногда и вдруг.
Пусть не похожим, а так - муравей по коже,
крикнет сова или стукнет о лампу жук.

И возвращусь и опять, и опять, и снова ...
Знаешь, паромщик, я выбросил свой обол,
чтоб в сновиденьи утреннем в пол-восьмого
ей повторить самый главный для нас глагол...

Из цикла "Завтра"

Когда того потребовали даты

Когда того потребовали даты,
был осенью захвачен городок.
И дерева, как пьяные солдаты,
Шумели и качались у дорог.

По городку, оставленному летом,
Я взад-вперед слонялся не спеша.
В моей душе, как и в местечке этом,
стояло ощущенье грабежа.

Здесь был костел, шедевр архитектуры
какого-то столетья , и еще
развалины льняной мануфактуры
светили тускло красным кирпичом.

Был парк – остаток панского маёнтка...
Как хорошо здесь было бы вдвоем...
И девочка с глазами жеребенка
Кидала листья в темный водоем..

А вырастет она и будет письма
бросать в молчанья черные пруды.
И будет умолять кого-то - снись мне!

И что-то создавать из пустоты.

А сторож спички шарил по карманам,
Чтоб листья жечь, чтоб погрузилось в дым,
как в зелье, запрещенное кораном,
все, от чего становишься седым.

И я просил кого-то в небе - рАтуй!
Но этот кто-то мне не отвечал.
Он по небу, заведуя парадом ,
куда-то журавлей перемещал.

Я сам себе судом был бесполезным,
но что-то все ж доказывал судье.
И говорил со сторожем нетрезвым
о женщинах, политике, судьбе.

В беседке мы общались с ним, на фоне
разора, поражения, утрат.
Глаголов, сослагательных по форме,
кружился между нами листопад.

И мы –таки освоили пол-литру,
закусывая салом и лучком,
и подмешали в осени палитру
тоску, произносимую молчком.

Из цикла "Плачущее дерево"

Май

Какой сегодня ветер во дворе!
Кто обвинит в нем май – не ошибется.
Глядите-ка, полуденное солнце
горит на нем, как шапка на воре.

Развешивает женщина белье.
А ветер ее ситцем облепляет,
как пестрою пыльцою, и влюбляет
ленивых доминошников в нее.

Им выпить бы – да нету ни рубля...
Глядят на чистоту ее полотен,
мечтающих в замедленном полете
стать парусом иль гюйсом корабля.

Тоска в мужских неласковых глазах.
В карманах тает на закуску сало.
А в жизнях их не будет Кюрасао,
не ждут их на ванильных островах.

А будет жизнь им кадыки тереть,
тяни ее - для пирамиды глыбу.
И «пусто-пусто», стало быть, и рыба!
И хоть бы рубль...
Невмоготу ж терпеть!..

И к небу поднимается рука,
святая от усталости и пота.
И вешает на след от самолета
большие кучевые облака.

Из цикла "Молитва"

Текла Швянтойи*

И было лето. И было утро.
светло, лазурно.
Все было в мире легко, нетрудно
и все разумно.
Река ШвянтОйи струилась плавно
и равномерно.
Все было важно, все было главно,
все было верно.
И шмель гудящий, и ужик скользкий,
и птах парящий
не мыслью были в усталом мозге,
а настоящи.
Чешуйки, шерстки, цветы, коренья
волокна, нити –
все отвечало предназначенью,
делам, планиде.
Кому-то - когти, кому - копытца,
кому-то -крылья.
Кому быть ловчим, кому ловиться –
успеть в укрытье.
И совершались в одно мгновенье
легко и чисто
кровопусканье, кроветворенье,
любовь, убийство.
Все было свито в узлы, узоры,

круговороты
воды и праха, семян и сора,
судЕб, свободы.
Бессонье с дремой, покой с движеньем -
все было равным.
И совершалось плодоношенье
назло потравам.
И было лето. И было лепо.
И день погожий.
Текла Швянтойи полоской неба,
слезою Божьей.

**ШвянтОйи - река в Литве (вернее, даже две реки с одинаковым названием, одна - приток Нериса, другая впадает в Балтийское море в поселке с одноименным названием, в данном случае речь идет о притоке Нериса).Швянтойи в переводе Святая. В них крестили Литву*

Июль. Жара

Июль. Жара. Не продохнуть.
Свернуться в кокон... Выждать... Выжить...
И время, словно губку выжать
до свежести какой-нибудь.
Пот каплет с лип, стекает с лиц.
Сам, как в руке леденчик, липок.
Влачишь себя среди улыбок
мальчишек и отроковиц.
Они еще в другой среде,
легки, как в омуте плотвички.
И рАдужны их роговички.
И смех – как блики по воде.
А ты, скребущий свой сусек,
насущный хлеб соображая , -
всего лишь выгнанный из рая
угрюмый потный человек.

Послесловие

Помню - в летнем сумраке в комнате под крышей
мы с тобою умное послесловье пишем,
послесловие к любви. По законам жанра
тонут наши корабли – капитанов жалко...
Заплывают рыбками в гибнущий кораблик
слезы твои липкие, как гуммиарабик.

Не могу не верить им, только не приклеюсь,
хоть и больно бередим то, что не сумелось.
И ни оторопь, ни страх не висят меж нами,
громко цокает в часах нетопырь когтями.
Мы копаемся в золе, всяком окаянстве.
Ты на самой на заре говоришь:
- Останься...
Если б раньше позвала! Если б только, если...
Перегрыз бы удила, оторвался с песней.
А теперь на теле всем – брачные печати,
и над яслями с овсом головой качать мне.
Я жену свою люблю,и не быть измене –
растворяться кораблю с черной грустью в вене.
Не могу я , как с любой, как с ничейным телом.
Не могу свою любовь пачкать адюльтером.
Драгоценный человек, девочка-шляхетка,
для тебя во мне навек лишь грудная клетка.
Мы дожили до зори, до последней строчки.
Мы теперь как пузыри – только оболочки...

Хлещет дождь на Укаяли

Хлещет дождь на Укаяли.
Да у нас не лучше гнусь.
И душа, как мышь в рояле,
гулко гложет свою грусть.

Не просохнуть, не согреться.
Сердце водоросли рвут.
Ой ты, сердце, мое сердце,
мой печальный субпродукт.

Неохота стало драться
даже с лучшим из врагов.
Мне б податься в травознатцы –
чай попить из сорняков.

От того, быть может, чая
из цветочков и стеблей
хоть немножко б полегчало –
меньше б думал о тебе.

Дождь идет на Ориноко,
сельву струями лупя...
Ничего, что одиноко.

Просто плохо без тебя.

Из цикла "К той реке..."

* * *

Стужа была - опричь ее
не было сил иных
в мороках безразличия,
ватных, волосяных.
Голое заоколие
души заволокло -
внутренняя монголия,
стылое толокно...

Но покачнулось, тикнуло,
клюнули капли снег,
глянула ртуть на лик нуля
и - побежала вверх.
Речка в ладони дельтовой
стиснула острова,
так напряглась от этого-
лопнули рукава.
Льдины ломая на части, как
вафельные круги,
сдвинулись в вешних часиках
оси, храповики!..
И понеслось, забулькало,
синь разлилась, разя
ярко и незабудково
пасмурные глаза.
Золотко мое, золото,
ходит все ходуном,
холода тело колото
мартом- хохотуном...
Милая, мука кончилась,
с говором талых вод!
В воздухе колокольчики,
радостный кислород!

* * *

А над НЕрингою* гуси летят
параллельно берегу, в ряд.
А верней, не ряд у них – это клин.

И куда ни кинь – всюду синь.

А я с мола рыбку ужу.
А вернее, за гусями слежу.
Ты не прыгай по воде, поплавок,-
мне весна подула в манок.

А ты рядом, близко стоишь,
на гусей с улыбкой глядишь -
как они летят, гомоня,
а вернее, - на меня, на меня.

А в глазах твоих искорок взвесь.
Или гейзеры в них звезд-бетельгейз.
И такая ты весенняя вся,
что весеннее придумать нельзя.

Я тебя руками обвил,
вот, небось, помру от любви.
А коль выживу - то лишь потому,
что еще сильней обниму.

**Неринга (ударение на первом слоге) - общее название населенных пунктов на литовской части Куршской косы (Нида, Прейла, Пярвалка, Юуодкранте, Смельтине)*

Из цикла "Ливень слепой"

* * *

Ходить и щуриться на свет
на фоне парковой натуры,
где воздух к полдню разогрет
до благостной температуры.

Без постной мины, без личин -
ну разве что глаза заУжу...
Осенним светом облучить
свою растрепанную душу.

И просто называть - не вслух -
приметы видимой картинки -
скамейка, лужица, лопух
и паутинки, паутинки...

Следить за летом голубков
сквозь желтое и голубое.
И хмель не сделанных глотков
дрожащей чувствовать губою.

* * *

..И больше нам не быть вдвоем -
мечтой себя не изводи.
Меж пристанью и кораблем
все шире полоса воды.

Машины крутятся враздрай
и вертят утлый шар земной,
на место возвращая рай,
навек закрывшийся за мной.

Пролива черная вода
мертва, как деготь или клей,
а в ней пустые невода
и прах сожженных кораблей.

Разлукой воздух заражен.
Прокисшим хлопком безнадег
зовущий берег заращен
иль в водяную бездну стек.

Лишь ты - как звездное пятно,
сияющее на молу...
Куда плыву я - все одно...
Ни жить, ни сгинуть не могу.

* * *

Будто все окончено.
И начаться нечему...
Кружит птица ловчая...
Плачет птица певчая...

Растворили грешника
лес и берег Немана.
На листок орешника
мое сердце меняно.

Кровь теперь створожена

в барбарис, рябину ли.
Празднуй, заполошное
племя воробьиное.

И уже беспаспортный,
и никем не узнанный,
и умею запросто,
быть и сном, и музыкой.

Над своими милыми,
над прощеным ворогом
бить умею крыльями,
плыть умею облаком.

А душа проточная,
от тумана млечная...
Плачет птица ловчая...
Замолчала - певчая...

* * *

Ливень случился слепой,
праздничный, раззолоченный.
Падай, рассказывай, пой,
медленный мой, алычовый.

Лей на камыш-очерет,
брызгай на крылья касаток
овеществившийся свет,
солнечный жидкий осадок.

Радуйся, каждый простак -
вечно желавший охотник,-
небо в фазаньих хвостах,
пестрых, лоскутных, лохмотных!

Ливень, дружище, браток,
дай своей пенистой влаги
высохшим лонам проток,
мутной кринице в овраге.

Дикий омой виноград,
путайся в пене кичима.
Все поправимо, мой брат,
так или сяк излечимо.

Автор: Чтобы помнили!
02.02.2022 00:00

Из цикла "Только дорога"

Бессонница

Бессонница. Бессмысленность. Бронхит.
Все кошки серы. А все звуки сиры.
В тюль занавески лунный гол забит.
А с центра поля начинать нет силы...
Давай тогда ударом от ворот
(а судьи где? И кто они такие?)
Перед тобою в клеточку блокнот –
узилище для знаков ностальгии...
И хищный паркер –клювик золотой
пошел пихать крамолу по ячейкам –
слова о том, что прожито тобой,
как будто о чужом или ничейном...

...И стало быть, футбол на пустыре.
Сурепку мнут мосластые эфебы.
А если говорить о вратаре,
то он глядит в клубящееся небо,
где серебристой молью – самолет.
Голкипер переводит взгляд свой долу.
Каемкой поля девочка идет,
несет в руке включенную спидолу.
И он закрыл глаза, и он ослеп.
В спидоле битлы средневолновые
кого-то умоляют, чтобы хелп...
И пахнут медом травы полевые.
Ему кричат, ругают – идиот!
Мяч за чертой добра и зла. И Бог с ним!
Она идет! Ах, как она идет,
ломая жизнь растеньям медоносным.
На фоне посеревших облаков
и пустозвонной грубости пацаньей...
И платьице из крыльев мотыльков
и чистых неизведанных мерцаний...
В других мирах – бессонница, луна,
тяжелое бронхитное сопенье...
А там вода во облацех темна.
А девочка светла и незабвенна...

* * *

Далекое соло сакса.
Звучит ли? Вообразил?

В горле образовался
шершавящий абразив.

Мелодию-самозванку
дослушать не тороплюсь.
Пинаю пустую банку -
пусть бонги подкрасят блюз.

Мотив, чей ты голос выткал
Из блюзовой размазни?
Дружки мои - Гинтас, Витька ль
окликнули:
-Отпасни!

Но зря озираюсь. Глупость.
Их нет ни в одном из мест.
Их взяли суглинок, супесь
и круговорот веществ.

А блюз, ты пищаньем куцым -
не скроешь простую суть...
Мне есть обо что споткнуться,
но некому отпаснуть.

Давай-ка погнись от песни,
злаченый ручной удав...
Когда-то мы будем вместе.
Я знаю, что в этом прав!

А в небе лилово-мокром -
ужель они оба там -
друзья банку с летним громом
пинают по облакам.

Из цикла "Когда оглянешься"

* * *

Одиноко мне в толпе,
как жирафу на Памире.
Я скучаю по тебе,
будто душу прищемили.

К пункту А из пункта Б,
жилки красные на карте -

моя кровь течет к тебе,
так и вытечет по капле.

* * *

Зима пришла так вдруг, так сразу
(хотя, казалось бы, и в срок)
по ранам осени, по грязи
на язвах выбитых дорог.

И снег пошел, сначала редок,
ложась на землю, на бетон,
на скрюченные пальцы веток
стерильным тоненьким бинтом...

А вот и густо закружился,
захлопотал он, ворожа,
над исстрадавшеюся жизнью,
как сердобольная душа...

Расслабься, братец мой, утешься,
довольно маяться виной,
все милосердно скроет снежный
и нежный ветер ледяной.

И очень многое не спелось,
и что-то причиняет боль,
но снег –сиятельство и светлость-
все это скроет под собой.

Увидишь -пусть обманет зренье-,
когда оглянешься на след,
одни лишь светлые мгновенья,
как будто был там только свет...

* * *

Концерт для гобоя и струнных А.Марчелло "Адажио"

Пел гобой, со мной говорил
не сулил былому правИл.
Память, будто рыбку, вываживал
на прозрачной леске адажио.

Не судил, как сонный зоил,
возносил и синью поил -

высоко – и возможно выше ли?-
чтоб печаль – клином клин- да вышибить.

Как, Марчелло, вызнать ты мог
про мирок мой – ворох морок?
И пришел, не побрезгав логовом,
со своим торжеством барокковым.

Поднимал меня за собой
в голубое небо гобой.
Где-то там было Богу богово.
А мне - облако белобокое.

Увлекал туда без труда,
где была мокрее вода,
где всемирное тяготение
тяготило намного менее...

Где все можно было суметь,
где судьба еще не комедь ...
Где та девочка с нотной папкою,
а грусть пО сердцу – потной лапкою...

Поднимал меня за собой
в голубое небо гобой...

Исполняет автор.

Из цикла "А дальше что?"

* * *

...А под мокрою радугой –
дол зеленый смарагдовый,
Здесь все просто, легко и в лад.
И сам воздух зеленоват.

А лошадка под ивою
с ивой спутана гривою.
Глянешь в небо высокое –
солнца около – соколы.

А в траве- то кузнечики
точат сабельки-мечики.
Чуть дрожит от дневной жары

воздух в искорках мошкары.

Тьму грунтовую проколов,
бьют там тысячи родников.
В небо вырасти норовя,
рвет себя из земли трава.

Не скорбей и не слез юдоль –
только воля и вширь, и вдоль.
Никаких нет вериг, тенёт -
жизнь как в чистой воде плывет...

Если надолго пропаду
в темноте, суете, бреду,
бросит дух ли от божьих губ
за сатурновый хула-хуп –

все равно отыщу я мост,
чтоб вернуться сюда со звезд,
от харибд и от сцилл уйду,
улизну из котла в аду.

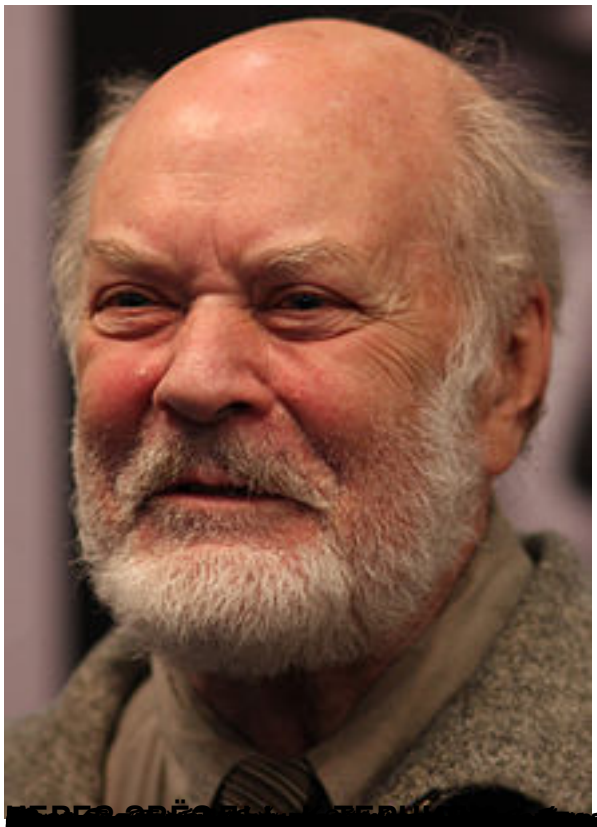
Коль не в нынешней жизни - пусть...
доползу, дорасту, вернусь...

Страница Владимира Таблера в Сети
Страница Памяти поэта Владимира Таблера

Лев Аннинский

Сегодня - День памяти поэта Владимира ТАБЛЕРА

Автор: Чтобы помнили!
02.02.2022 00:00

"Когда оглянешься", М., 2011

Четвёртое измерение

Владимир Таблер

Бегство от толстокожести

Владимир Оттович Таблер родился 2 февраля 1
Березники Пермской области. Ушёл из жизни
года.
Русский поэт, бард. Лауреат литературных
Николая Гумилёва «Заблудившийся тр
Максимилиана Волошина и других. По осно
специальности – инженер-электрик. С 1972 год
До 1984 года публиковался в республиканск
изданиях. Долгое время практически ничего не
интернету в 2002 – 2003-м годах воз
литературную деятельность. В 2003 году в
первая книга – «Избранные стихотворения
подготовил к изданию, но не успел
стихотворений «Когда оглянешься...»
Книга вышла в 2011 году, благодаря финан
друзей и читателей поэта. Учреждена лите
имени Владимира Таблера.

Свободное эссе о поэте

Таблер о рангах

Не столь давно ушедший из жизни поэт Владимир Таблер оставил нам разнооб
собранное его друзьями в посмертную книгу «Когда оглянешься...» Жизнь после
всегда справедливой для поэта. Я убеждён, крупнейший поэт русского зар
Таблер достоин быть упомянутым в лонг-листе фестиваля памяти «Они ушли. Они ос
Таблера – практически нет провалов. Планка, взятая поэтом, высока. Влади
разнообразен в своей лирике – здесь и «раблезианское» «Прощёное воскресенье»
«Песня пешки», и проникновенные пейзажи, например, «После шторма», и, конечно
коже – любовная лирика, посвящённая жене Зое.
Послесловие к посмертной книге Владимира Таблера написал критик Лев Аннинский
просто так водить пером по бумаге не станет... Дай Бог, чтобы и дальше стихи Т
неподдельный интерес у самых тонких ценителей русской поэзии.
Володя нёс в себе эту «державинскую» антиномию: «Я царь, я раб, я червь, я бог». В
противоположностей раскачивали дух поэта, как американские горки. От нижней точ
«мыслящего тростника» – к верхней – его величию. Владимир Таблер сумел отразить
бездну низа, и бездну верха. А чаще – и то, и другое – одновременно. Мажор и минор
и философском преломлении. Меня изумляет амплитуда настроений Таблера, р
маятника регистров души поэта... Так, как это изумляет нас в творчестве Мо
Посмотрите, сколь всепобеждающа радость бытия в стихотворении Таблера «Весна»:

Весна наступила!
Растаяло зло.
Мы вырвались, выжили, нам повезло!
Забилось, запело, завыло вокруг,
заворковало. Мы поняли звук.
И твари земные, и божьи рабы,
услышали зовы весенней трубы!
И вняли, узнали и приняли знак
для вешних, для вечных, для брачных атак.

Детство как потерянный рай

Нет-нет, да и прострелит сердце поэта тоска по детству, переживаемому, как потерянный рай. Тебе хорошо, над тобой, малышом, ещё не довлеют заботы, обязательства; наоборот, всё работает на тебя – время, родители...
Воспоминания поэта Владимира Таблера о своём детстве дуалистичны: возвратившись мыслями в детство, он не может уйти из реалий сегодняшнего дня. Он помнит, что мамы уже нет – и, возвращаясь обратно в детство, просит её не умирать. Это напоминает мне знаменитое стихотворение Арсения Тарковского о том, как ему приснился канун войны, и он, попав в предгрозье начала 1941 года, пытается оттуда рассказать людям, что с ними произойдёт в ближайшем будущем, умоляет их не делать того-то и того-то. Вот и Владимир Таблер, погрузившись мыслями в далёкое детство, видит ещё живую маму. У такого одновременного пребывания сразу в двух временных пространствах есть сво объёмность переживания. Поэта «жалит» невозможность насовсем вернуться в прош стали в стране детства невозвращенцами, которых, как персон нон грата, туда над Только поэзия способна вернуть человеку утраченное душевное равновесие, обетованную страну детства.

И капает с ресниц расплавленное сердце.
И можно дальше жить... Но умерев чуть-чуть...

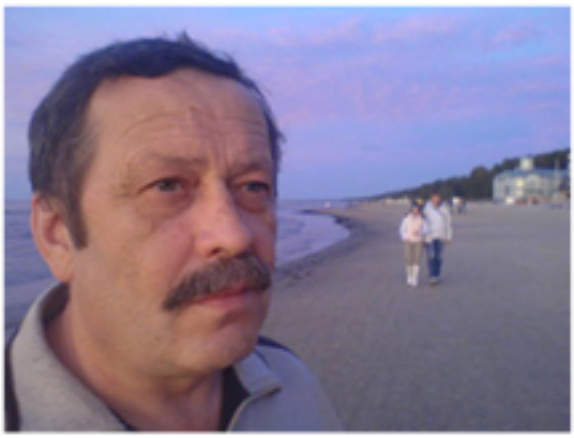
Вспоминается Фет: «Я в жизни обмирал – и чувство это знаю». В лирике Вл ощущается преемственность – отголоски мыслей наших классиков. Но переживания предшественников, потом испытал сам. Мне кажется, поэзия вообще не вычитывается Даже если в тексте присутствуют аллюзии из сочинений других поэтов.

Кровопускание как спасение и бегство от толстокожести

Помнится, раньше врачи часто пускали кровь пациентам, и это служило лекарс против всех болезней. Герой Владимира Таблера сам пускает себе кров искусственную боль вернуть себе ощущение полноты жизни, притуплённое быто

* * *

Поранюсь, порежусь
о сонный осот,
о раннюю свежесть,
о сини высот,
о сирый осинник,
о крылышки птах.
И вовсе не сильно,
но больно-то как...

Потрясающее стихотворение! Аллюзии из (жимолость, жалость) только увеличивают сил стихотворения. Поэт со своим неповторимым голо знает, как использовать находки свои предшественников! Мы слышим всё то же до бо другим стихотворениям Володи ощущени виноватости – перед собой, судьбой, миром, поэз Причём у Таблера это всегда «пассивная» ви сделал важное и нужное». Впору говорить духовном подвиге поэта – он берёт на несовершенного мира, примеряет на себя его с было не всегда... Может быть, и не было в жизни маленького эшафота, который воззвал к слову больших писателей. Возможно, недовольство собственной жизнью, накапливаясь, энергетический взрыв, который стал предтечей второго пришествия Владимира Таблер Как будто «бесцельно прожитые годы» вытолкнули его со второй космической скор поэтическую орбиту. Так или иначе, после длительного перерыва в творчестве литературное Интернет-пространство, Таблер словно бы обретает второе дыхание, искушённую завершённость Мастера.

Стихотворение Владимира Таблера «Поранюсь, порежусь» начинается как «рыбацкое» когда герой ранним утром выезжает на природу побыть в безмолвии наедине с собой. быть, поэт и взаправду невзначай порезался прибрежными камышами – и эт

быть, поэт и взаправду невзначай порезался прибрежными камышами – и э
стихотворению. Но это не так важно: намерение в поэзии и есть действие! Причём п
природные предметы – никакого насилия над собой! Это не стекло, разбитое пьян
выброшенное в речку. Это возвращение человека к природе. И боль здесь – индикато
способности остро чувствовать жизнь. / О воды, о стрежни, / о хвою в бору / поранн
запомню... замру.../ «Быть живым», в понимании Владимира Таблера, – значит уметь
Если тебя ничего не ранит, в широком смысле слова, может быть, ты и не живёшь.
Такой вот «Таблер о рангах»... Поэт тянется к настоящему, сражается за нег
косностью, с доминантой материального мира. Он предпочитает гореть, а не «жить-по
наживать». Поскольку накопление скарба заставляет человека скорбеть.

Осенняя космогония

Временами на лирика Таблера накатывало дерзновение, и тогда он писал такие стихи:

* * *

Вот что я, убогий, думать смею –
и о том поведаю тебе, –
землю Бог придумал перед смертью.
Он её придумал в октябре.

Даже на фоне совсем не тривиальных стихотворений Владимира Таблера, это его сочинение, которое я озаглавил бы просто «Осень», а, может быть, наоборот – «Реквием», а, может быть, просто «В октябре», выделяется своей необыкновенной авторской дерзновенностью. При жизни Володи стихотворение, к моему глубокому сожалению, так и осталось без названия.
Некоторые животные и рыбы жертвуют собой, чтобы родить потомство, по своему образу и подобию. Вот Владимир Таблер и допустил: нечто подобное вполне могло произойти и с самим Господом. Как однажды едко пошутил Шекспир, «мавр своё дело сделал, мавр может уйти». Эзотерически это хорошо согласуется и с концепцией «волшебника, который выпустил из-под

контроля им же созданный мир».

Чтобы в этом гибнущем чертоге,
в этом шелушенье золотом,
человеки думали о Боге,
и смотрели на небо притом.

Володя обладал «двойным», а то и «тройным» зрением, смотрел на мир в оба, «з
парня». Поэтому его панорама получается объёмной, герой смотрит на мир и гла
глазами не-человека, откуда-то сверху. В этом стихотворении он придаёт Богу
проистекающий от избытка знания. И действительно, если мы допустим, что Гос
вполне осведомлён о своём бессмертии, многие Его поступки могут подвергнуться
трактовке.

Чтоб слеза им зрение травила,
как родник – накапавшая нефть,
когда стаи птиц непоправимо
из небес вытягивают нерв.

Сострадание заранее заложено в смету проекта! Как странно способна изгибаться
человеческая мысль! Впрочем, если Бог – шахматист, он действительно должен, по
будущее! Хотя бы на пару шагов вперёд! Правда, Он не обязан хотеть туда загля
образы Таблера изумительны; стихи написаны с отчаяньем человека, который осм
себя на место Бога, и, ужаленный невозможной мыслью, отскочил. Владимир, подо
Иову, ропщет и не чувствует себя виноватым в этой трагической осенней м
разыгрывается прямо перед его глазами.

Чтобы рвали души эти люди,
глядя на безумный листопад,
на его стекающие слюни
меж зубов-балясин балюстрад.

Несколько спорных образов не
повествования. Но уже ловишь себя на
чисто авторское переживание Та
спровоцированное, может быть, предчу
ухода из мира, самоидентификацией
доктриной о Боге. Наверное, Пушки
написали бы об осени иначе! Но у каждо
хотя она вроде бы одна на всех, общая.

Чтобы знали – кончиться прид
(не придумать им от горя зонт
вот и охладившееся солнце
падает, как лист, за горизонт

Как мы видим, в авторской мифологии Вл
Бог тоже жертвует собой во имя людей. Различается только отношение лирич
жертвоприношению Господа.

Бог с кончиной всех провёл, как шулер,
помирать-то Богу не к лицу...
А октябрь по-прежнему бушует,
словно скорбь по мёртвому творцу.

И вот это картёжно-бранное «шулер» опять заставляет вспомнить о библейском Иов
Господа своего самыми последними словами и при этом ничего не боялся. «Хуже у
будет, – думал Иов. – Потому что хуже просто не может быть». Читая стихи Владимир
может быть, озадачатся вопросом: что же это – поэзия или богохульство? Поэзия! Кон
«Я буду петь, молиться и ругаться!» – воскликнул однажды поэт Игорь Гор. И почем
«молиться и ругаться» иногда может соседствовать и сосуществовать. Человеку ка
нему несправедлив. И, как результат, человек становится несправедлив к Богу.
В стихотворении Владимира Таблера герой вызывающе несправедлив к своему Господу
он – Фома неверующий. Он просто «запамятовал», что в других регионах планеты с
другой, и ничем не родствен умиранью. Но нашему поэту это не важно. Ему ва
лирическое переживание. Здесь и сейчас, а не где-то там, в далёкой Африке. Та
осеннюю агонию всего живого как предвестие собственной гибели. И это, вкупе с
Господа, производит на читателя просто шокирующее впечатление.

И, мне кажется, реальная смерть Володи ничего не прибавила к стихотворению и ничего от него не убавила. Потому как поэт имеет право на слово, даже не подтверждённое жизнью. Хотя «аз воздам», на мой взгляд, всегда следствие по отношению к «мне отмщение», а не наоборот...

В стихотворении «Вот что я, убогий, думать смею» поэт выразил крайнюю, депрессивную степень осеннего пессимизма. Очень важно подчеркнуть, что Владимир Таблер под «Богом» не имеет в виду Христа, Будду или кого-то вообще из «официальных лиц» религиозных конфессий. Поэтому стихотворение, конечно же, не носит богоборческий или антиклерикальный характер. Бог-творец Таблера безымянен, Он – космогоничен; вместе с тем это, несомненно, бог-демиург, сотворивший землю и всё живое. В этом сакральном акте Он, конечно же, выложился на все сто и сделал всё, что мог! После чего, вне всякого сомнения, оставалось только уйти – в иную жизнь или иную профессию. Пожинать плоды своего творчества и ностальгировать, лёжа на печи – это, конечно же, не дело для Творца!

Последние открытия биологов показали, что во все живые организмы Творцом заложена генетическая программа самоубийства клеток. Существует гипотеза, что земная жизнь ограничена по времени нарочно, и цель её – освободить жизненное простра
поколений живущих. А также – достичь максимального разнообразия внутри вида.
зрения, данное стихотворение Владимира Таблера обретает ещё одно измерение.

И, всё-таки, Бог жив! Потому что после октября, уже в новой жизни, обязательно на
ним – апрель, а за апрелем – май!

Бог воскрес! Ей богу, после Фридриха Ницше и Владимира Таблера такая мысль м
свежей!

Ал

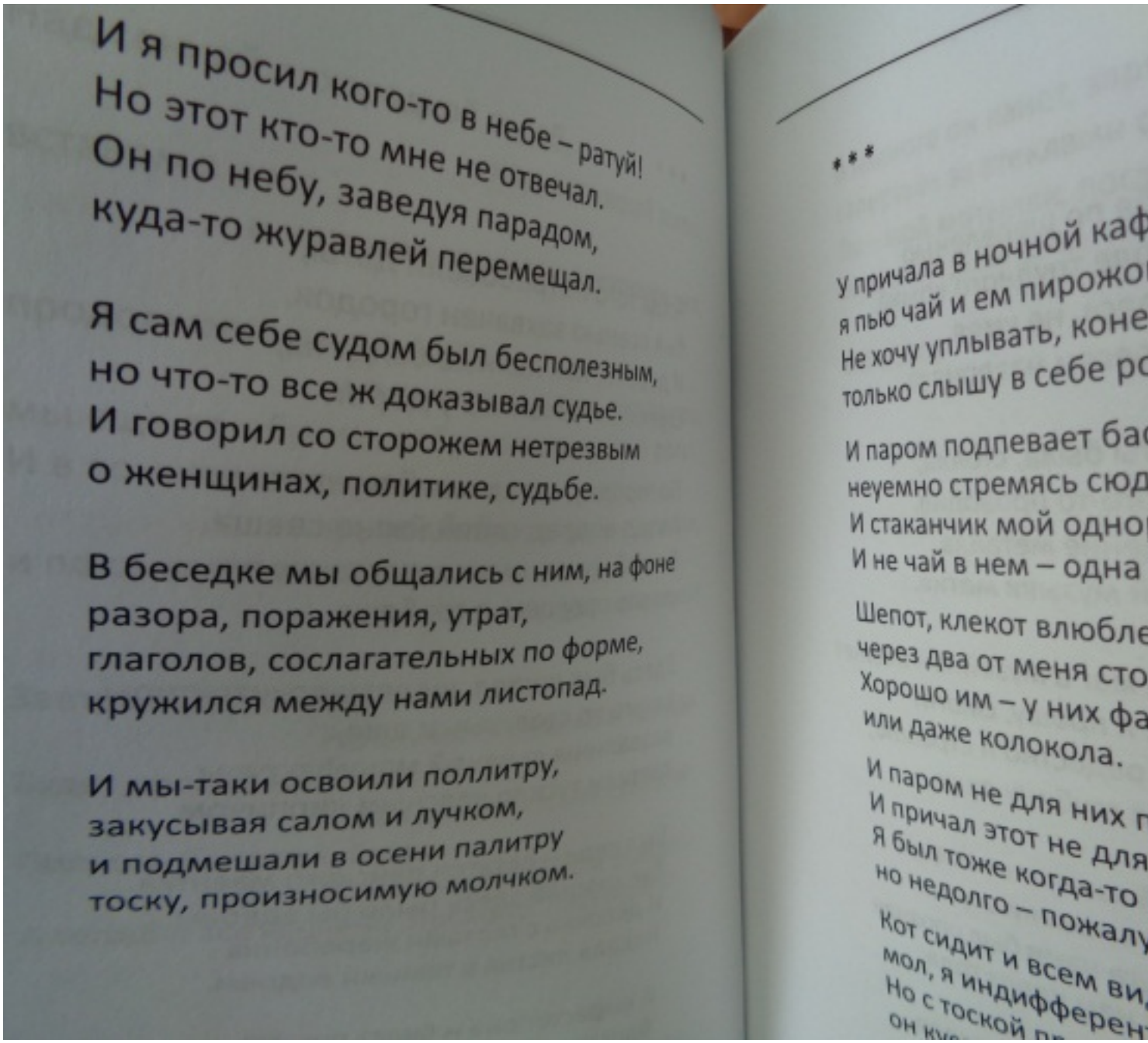
(Из записны

Сегодня - День памяти поэта Владимира ТАБЛЕРА

Автор: Чтобы помнили!
02.02.2022 00:00

И я просил кого-то в небе – ратуй!
Но этот кто-то мне не отвечал.
Он по небу, заведуя парадом,
куда-то журавлей перемещал.

Я сам себе судом был бесполезным,
но что-то все ж доказывал судье.
И говорил со сторожем нетрезвым
о женщинах, политике, судьбе.

В беседке мы общались с ним, на фоне
разора, поражения, утрат,
глаголов, сослагательных по форме,
кружился между нами листопад.

И мы-таки освоили поллитру,
закусывая салом и лучком,
и подмешали в осени палитру
тоску, произносимую молчком.

* * *

У причала в ночной каф
я пью чай и ем пирожо
Не хочу уплывать, коне
только слышу в себе ро

И паром подпевает ба
неуемно стремясь сюд
И стаканчик мой одно
И не чай в нем – одна

Шепот, клекот влюбле
через два от меня сто
Хорошо им – у них фа
или даже колокола.

И паром не для них
И причал этот не для
Я был тоже когда-то
но недолго – пожалу

Кот сидит и всем ви
мол, я индифферен
Но с тоской

Сегодня - День памяти поэта Владимира ТАБЛЕРА

Автор: Чтобы помнили!
02.02.2022 00:00

Сегодня - День памяти поэта Владимира ТАБЛЕРА

Автор: Чтобы помнили!
02.02.2022 00:00

